

Лу Чжаня они, само собой, так и не дождались. Потоптавшись у берега еще немного и окончательно убедившись, что тот не придет, дети решили расходиться по домам.

Линь И не заметил в этой сцене ничего из ряда вон выходящего. В детстве Лэн Бэйси и Лу Чжань действительно ладили, и вряд ли эта мелкая неудача могла вбить между ними клин — в конце концов, Лу Чжань пропустил встречу не по своей воле. Однако для Лэн Бэйси, судя по всему, этот вечер оставил в душе какой-то особый, горький след.

Шум детских голосов затих, и у реки воцарилось безмолвие. Линь И остался наедине с Сюаньюань Кунем — юношей в белоснежных одеждах, чья фигура казалась почти призрачной в сумерках.

Линь И, чью руку все еще крепко сжимал ученик, невольно отвлекся от своих мыслей. Оставшись вдвоем, он больше не мог игнорировать ни силу этой хватки, ни тепло, волнами исходящее от ладони Куня. Он поджал губы и, отведя взгляд, неловко произнес:

— Мне кажется, сейчас нам ничто не угрожает. Быть может... ты просто возьмешь меня за рукав?

Сюаньюань Кунь поднял голову. На его лице промелькнула странная, почти озорная улыбка, но он промолчал. В этот момент Сяо Бецзюнь, который, казалось, уже давно должен был уйти, вдруг вернулся, пригибаясь под тяжестью корзины для трав. Линь И обернулся на шорох, и Сюаньюань Кунь тут же спрятал улыбку, сделав вид, будто и не слышал слов наставника.

— Учитель, глядите, он вернулся, — невозмутимо заметил юноша.

Руку он так и не выпустил.

Сяо Бецзюнь вел себя подозрительно: он воровато озирался по сторонам и, убедившись, что вокруг ни души, подошел к самой кромке воды.

— Рыбка, маленькая рыбка... — зашептал он, обращаясь к реке. — Ты все еще здесь? Спасибо, что спасла моего друга. Пойдем лучше ко мне домой, а? Тут слишком опасно, тебя вечно кто-нибудь норovit поймать.

Он долго и занудно причитал над водой, пока терпение речного обитателя, видимо, не лопнуло. Из глубины вдруг выпрыгнул золотисто-красный карп кои и подплыл к самым ногам мальчика. Линь И, к своему изумлению, отчетливо расслышал в плеске воды чье-то ворчание:

«Да я скорее впаду в искажение ци от твоей болтовни, чем дождусь, пока ты уйдешь!»

Сяо Бецзюнь, разумеется, языка рыб не понимал. Увидев, что карп подплыл поближе, он, недолго думая, сгрёб его в охапку. Радостно сияя, мальчик опустил добычу в висящий на поясе

магический сосуд и припустил прочь, мгновенно скрывшись из виду.

М-да... Линь И не покидало ощущение, что этой рыбе крупно не повезло.

— Учитель, вам тоже кажется, что бедняжке не позавидуешь? — вкрадчиво спросил Сюаньюань Кунь.

Линь И задумался. Вспоминая те немногие трактаты, что он успел прочесть в городе Цзиньси, река под мостом Линьси брала начало у горы Лунмэнь — тех самых Драконьих Врат. В легендах говорилось: «Лишь карп, преодолевший Врата, может обратиться драконом». Временами у подножия горы Лунмэнь собирались такие стаи рыб, что река на три ли становилась алой.

Очевидно, Сяо Бецюню попался дух-камп на пути самосовершенствования.

— Попади она к кому другому, действительно могла бы закончиться супом... — Линь И вспомнил затворника Сяо Бецюня, будущего Предака Сотни Трав с горы Бутянь. — Но если она окажется в таком благодатном месте, как наша вершина, под присмотром Сяо, то это скорее удача, чем беда.

— Верно, это не беда, — эхом отозвался Сюаньюань Кунь. — Это её великое счастье.

В его голосе прозвучало нечто такое, чего Линь И не смог до конца разгадать.

Тени прошлого заструились перед глазами, сменяя друг друга в бешеном ритме. День и ночь мелькали, словно в калейдоскопе. Дети росли: нескладные подростки превращались в статных юношей, детские игры — в тренировочные поединки, а неумелые взмахи мечей — в выверенные удары мастеров. Исчезла детская припухлость щек, во взглядах появилась твердость — время, подобно великой реке, неумолимо меняло их черты.

Линь И видел, как Лу Чжань и Лэн Бэйси клянутся построить город — место, где их кланы забудут о вечной вражде, где воцарится мир и процветание.

Сяо Бецюнь стоял рядом и слушал. На его лице играла кроткая улыбка, но он почти не вступал в разговор. В нем больше не осталось ничего от того нелепого мальчишки — теперь это был истинный заклинатель, чьи пальцы благоухали травами. В своих летящих одеждах он казался чужеродным элементом рядом с двумя суровыми мечниками, жаждущими битв.

Лазурные леса, изумрудные воды... Сцены проносились мимо, пока не замерли на одной: глубокая ночь, полнолуние.

Светлячки искрами рассыпались в траве, а трое друзей сидели под луной, распивая вино и делясь мечтами. Атмосфера была на редкость непринужденной.

Даже Лэн Бэйси, который и во хмелю сохранял каменное выражение лица, выглядел чуть мягче. Лу Чжань же, напротив, явно перебрал: его лицо пылало румянцем, а широкая улыбка делала его похожим на того самого круглолицего мальчугана из детства.

Лишь Сяо Бецзюнь держался достойно, выглядя весьма изысканно с чаркой в руке... Ровно до того момента, пока чей-то голос не заставил его поперхнуться вином и зайтись в судорожном кашле.

Из мерцания светлячков и лунного сияния внезапно соткалась девичья фигура. Она была в алом платье, легком и манящем, словно само пламя. Девушка подбежала к ним — яркая, дерзкая, затмевающая собой лунный свет. Проиигнорировать её было невозможно.

— Сяо Бецзюнь! Наконец-то я тебя нашла, лжец несчастный!

Лу Чжань и Лэн Бэйси оторопели, глядя на её наряд.

— Демонический заклинатель?

Сяо Бецзюнь, все еще кашляя и не в силах вымолвить ни слова, отчаянно замахал руками, призывая друзей не хвататься за мечи.

— Кха-кха... Не... не бейте... Цзинь... кха-кха... Цзинь Мэй!

Когда он наконец отдышался, девушка принялась распекать его: как он смел уйти с горы столько лет назад и не взять её с собой, и как тяжело было пробиться сквозь барьеры Бутянь... Сяо Бецзюнь, то ли от вина, то ли от стыда, покраснел до самых кончиков ушей и виновато опустил голову, напоминая нашкодившего ребенка.

Когда поток обвинений иссяк, он представил её друзьям: Цзинь Мэй, дух-камп кои, которую он вырастил.

Лу Чжань и Лэн Бэйси вежливо поднялись и поклонились:

— Госпожа Цзинь Мэй.

После обмена любезностями девушка вдруг уставилась на Лэн Бэйси. Она широко раскрыла глаза, бесцеремонно подошла ближе и принялась. Хлопнув в ладоши, Цзинь Мэй ткнула в него пальцем, преисполненная праведного гнева: нашёлся-таки тот наглец, который много лет назад во время спасения чуть не откусил ей губу!

Лэн Бэйси на мгновение изменился в лице. Его вечная маска безупречности дала трещину. Он невольно скользнул взглядом по девушке, но тут же взял себя в руки и напустил на себя еще

более суровый вид.

— Прошу вас, не говорите глупостей. Мы никогда не встречались.

Цзинь Мэй недовольно скривилась:

— Я помню твой запах. Даже не думай отпираться!

Лэн Бэйси промолчал, упорно глядя прямо перед собой. Цзинь Мэй же, окинув его оценивающим взглядом, внезапно выдала: «Урод».

Хотя Лэн Бэйси в своем черном одеянии был статен и более чем хорош собой, он и бровью не повел.

— Похоже, госпожа Цзинь Мэй — особа весьма... сомнительного обаяния, — холодно отрезал он.

Сяо Бецзюнь поспешно вмешался, объясняя, что его подопечная от природы глуповата: за десятилетия на горе Бутянь она не научилась ничему путному, зато начиталась людских романов и теперь твердит о любви и замужестве при каждом удобном случае.

— Я рыба, а не человек, — буркнула «необаятельная» Цзинь Мэй. — Зачем мне ваши дурацкие правила?

Лэн Бэйси помрачнел еще сильнее.

— Коль скоро вы столь безрассудны, — процедил он, — я тем более не намерен потакать вашим фантазиям.

Первая встреча вышла, мягко говоря, натянутой, но далеко не последней. С тех пор, где бы ни появлялся Сяо Бецзюнь, там неизменно оказывалась и Цзинь Мэй. А там, где сходились Цзинь Мэй и Лэн Бэйси, воздух начинал искриться от их бесконечных перепалок.

Картины прошлого неслись вскачь. Декорации оставались прежними, но одежда и прически друзей менялись; в осанке Лу Чжэня и Лэн Бэйси появилась властность истинных глав кланов.

И только их стычки с Цзинь Мэй оставались прежними — полными того же азарта, что и в первый день.

Линь И, наблюдая со стороны, видел то, чего не замечали другие. Лэн Бэйси не умел выражать чувства, и как бы резко он ни отвечал, как бы ни хмурился, его взгляд, падавший на Цзинь

Мэй, выдавал смятение и робость, которых он не проявлял больше ни к кому.

Цзинь Мэй же, хоть и твердила о любви, в делах сердечных была сущим младенцем. Столько лет рядом с Сяо Бецзюнем — и ни капли понимания того, что он к ней чувствует. Любила ли она его? Разумеется. Но в её преданности было больше дочерней признательности и родственной привязанности, чем страсти.

Настали смутные времена. Лу и Лэн возглавили свои семьи. Пока все объединялись для борьбы с демоническими заклинателями, кланы втайне продолжали соперничество, собирая по всему свету артефакты и сокровища.

Сцена у моста Линьси растаяла. Линь И больше не удивлялся метаморфозам пространства. Он безучастно смотрел на перемены вокруг и перестал заговаривать с Сюаньюань Кунем.

Линь И секло песком и пылью по лицу. Он попытался активировать защитное заклинание, но то не сработало, и ему оставалось лишь терпеть раздражающие порывы ветра.

Вокруг расстилалась безжизненная пустошь. Желтый песок до самого горизонта, завывание ветра в скалах. Обрывы и бездонные пропасти казались бесконечными, словно край света был прямо под ногами. У самого края росло иссохшее дерево, чьи ветви едва держались под натиском бури.

Противоположного берега не было видно, но из ревущей мглы тянулся тонкий, пугающе хрупкий канат, уходящий в никуда.

Линь И подумал: уж не заставят ли его сейчас исполнять цирковые номера на такой высоте? Его явно водили за нос, но разрушать иллюзию силой он не решался.

— И что это должно значить? — вздохнул он.

Тепло его ладони исчезло. Сюаньюань Кунь стоял поодаль, заложив руки за спину. Он смотрел на учителя, чуть склонив голову, и лукаво улыбался.

— Учитель, перенесите меня на ту сторону на спине, а?

—...

Линь И долго смотрел на него. На его теплую улыбку, на белоснежные одежды, трепещущие на ветру. Наставник менялся в лице, отражая вихрь сомнений, пока не замер, став непроницаемым. Ветер с воем раскачивал канат. Линь И отвел взгляд и медленно присел, подставляя спину.

— Хорошо.

— Благодарю, учитель, — отозвался юноша.

Линь И замер в ожидании, не проявляя ни капли настороженности. Он не видел, как изменилось лицо Сюаньюань Куня за его спиной — теперь оно было торжествующим и насмешливым.

Кунь уже собирался обвить руками шею Линь И, когда сквозь свист ветра и скрежет песка отчетливо прозвучало:

— Линь И.

Кто-то позвал его по имени.

Несмотря на шум бури, Линь И ясно понял: голос звучит не со спины. В этом хаосе и неистовстве стихии зов прозвучал пугающе ровно, тяжело и совершенно лишенным всяких чувств.

<http://bllate.org/book/17554/1712276>